

Представляем ИК РАПН по политической психологии

Исследовательский комитет РАПН по политической психологии был образован в 1993 г. одновременно как секция РАПН и как секция Российского общества психологов, с самого начала став коллективным членом Международного общества политических психологов (ISPP) и участвуя в работе исследовательского комитета по политической психологии Международной ассоциации политических наук (IPSA). За прошедшие годы в его работе приняли участие десятки исследователей со всей страны, чьи интересы лежат на пересечении политологии и психологии.

Как относительно молодая научная дисциплина политическая психология в России развивается достаточно быстро и к настоящему времени прочно институционализована. Созданы профильные кафедры, есть специальность ВАК по политической психологии 19.23.12 (по политическим наукам и по психологии) и соответствующие диссертационные советы.

Исследовательский комитет РАПН по политической психологии только на последнем Конгрессе РАПН в ноябре 2009 г. организовал 5 секций, посвященных различным аспектам исследования психологии политического процесса. В их числе общие проблемы теории и методологии исследования, проблематика политического восприятия, политико-психологические аспекты национально-государственной идентичности, психология отечественных политических элит, формирование образов России как внутри страны, так и за ее пределами.

Представляемые нашим ИК статьи отчасти продолжают дискуссии, проходившие на Конгрессе. По-прежнему в центре внимания современных политических психологов проблемы политического лидерства. Этому посвящены статья челябинского политического психолога В. Зорина, а также коллективный труд участников проекта по человеческому капиталу российских политических элит. Тема национально-государственной идентичности раскрывается в статье Т. Евгеньевой и В. Титова с использованием как институционального подхода, так и новейших приемов, основанных на качественных методах. Работа Т. Пищевой и ее соавторов восполняет существенные пробелы в исследовании восприятия России ее собственными гражданами. Все представленные материалы, следуя своего рода традиции, изначально сформировавшейся в нашей субдисциплине, опираются на солидную эмпирическую базу, что позволяет авторам сделать весомые и доказательные теоретические выводы.

Е. Шестопал

77

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

В.А. Зорин

Ключевые слова: политическая психология, политическое лидерство, президентство, стиль лидерства.

Президентство находится в центре современной российской политической системы. Речь идет не только о том, что президент обладает значительными

ЗОРИН Василий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и связей с общественностью исторического факультета Челябинского госуниверситета. Для связи с автором: vaszorin@mail.ru

конституционными полномочиями, дающими ему возможность и одновременно накладывающими обязательство лично принимать ключевые решения, определять направление политики. Президентство — это еще и своеобразное зеркало, в котором отражаются качественные изменения в политической системе. Наблюдая за тем, как предусмотренный Конституцией институт трансформируется после смены инкубента, мы получаем данные, необходимые для понимания того, что происходит со страной в целом.

Президентские исследования занимают одно из важных мест в политической науке, активное их развитие происходит, главным образом, в США. С 1971 г. выходит в свет периодическое издание “*Presidential Studies Quarterly*”, на страницах которого публикуются материалы, оценивающие президентство в политологической, социологической, юридической, этической, историко-культурной и др. перспективах.

Фундаментальный вопрос о сущности президентства как особого феномена политической системы рассматривается по-разному. Существуют различные подходы к его изучению, в зависимости от того, какие аспекты данной проблемы находятся в центре внимания автора.

Б.Пэйдж и М.Петракка выделяют две основных исследовательских стратегии: концепцию “великих личностей” и бюрократическую модель президентства [Page, Petrasca 1983]. Х.Барджер акцентирует внимание на двух подходах: “традиционалистском” (представляющем президентство сбалансированным и достаточно гибким институтом, который функционирует эффективно, если президентом является “правильный человек”) и “ревизионистском” (возникшем на волне критики войны во Вьетнаме и Уотергейтского скандала и призывающем ввести систему дополнительных конституционных сдержек с целью обезопасить общество от возможных президентских злоупотреблений) [Barger 1984].

По мнению Р.Пайеса, основными подходами к изучению института президентства являются исторический, правовой и психологический [Pious 1979], тогда как Дж.С.Эдвардс и С.Дж.Уэйн выделяют правовой, институциональный, психологический подходы, а также подход, в основе которого лежит изучение политической власти, которой обладает президент (*political power approach*) [Edwards, Wayne 2003].

Наше предположение состоит в том, что наиболее адекватной научной категорией, позволяющей рассмотреть президентство комплексно как сочетание институциональных, социологических, индивидуально- и социально-психологических факторов, является лидерство [Зорин 2006]. Президент — это лидер не только в том смысле, что он занимает высшую позицию в формальной и неформальной иерархиях власти. Лидерство президента — это еще и ширококомасштабный процесс, в который вовлечены все заинтересованные в политике акторы. В каком-то смысле определение позиции в политическом пространстве производится путем соотнесения частного интереса с предполагаемыми интенциями президента (в категориях “свой-чужой”, “охранитель-оппозиционер”, “безразличный-сторонник” и т.п.).

Возникновение лидерского подхода к изучению президентства связано с поведенческой революцией в политической науке [Finer 1974; Burns 1978; Reedy 1987; Schlesinger 1973] и появлением работы Р.Нойштадта [Neustadt 1976].

Акцент на личности президента как на центральном элементе президентства является характерной чертой психологического подхода [Barber 1972; Buchanan 1978; Greenstein 1988; Renshon 1998; Hargrove 1998; George, George 1998].

Многообразие президентских исследований свидетельствует о высоком уровне их развития в американской политической науке. В то же время мы можем предполагать, что аналогичное направление в российской политологии также имеет перспективы. Важнейшей его предпосылкой является “рутинизация” президентства и укрепление в сознании исследователей представления о “нормальности” этого института. Смена президентов должна рассматриваться как закономерный процесс, не содержащий в себе угрозу политической стабильности. Американская политическая наука, еще как минимум со времен знаменитого “опроса Шлезинджера” 1948 г., лояльно воспринимает тезис о том, что президенты могут быть не только великими политическими деятелями, но и неудачниками, вклад которых в развитие страны ничтожен [Maranell 1970].

Кроме того, политическая наука способствует снятию напряженности, возникающей в обществе в момент передачи президентских полномочий от одного лица другому, благодаря тому, что развивает типологические исследования, в рамках которых создается представление о коридорах возможностей для каждого нового инкубента. Так, например, по мнению Дж.М.Бёрнса, еще в эпоху отцов-основателей были сформированы три основные модели президентского лидерства, связанные с именами политиков, занимавших этот пост или находившихся на ключевых позициях в их “командах” [Burns 1978]. Под “моделью” здесь мы будем понимать познавательный конструкт, замещающий оригинальный объект или явление, сохраняя при этом некоторые важные их свойства.

“Мэдисонская” модель президентства предполагает лидерство, построенное на поиске консенсуса между акторами и фракциями элиты, в рамках которого не предпринимается попыток создания устойчивого большинства, обеспечивающего прочность президентской власти. Это – модель ограниченного правления, в которой президент играет роль “первого среди равных” и может рассматривать себя как представителя интересов того или иного социального меньшинства, которое конкурирует с другими с помощью прописанных в Конституции механизмов (сдержек и противовесов).

Напротив, “Джефферсонская” модель президентства предполагает стремление лидера к построению максимально широкой коалиции сторонников, к привлечению на свою сторону влиятельных акторов, к созданию “команды”. В этих условиях востребованной оказывается объединительная риторика, актуализирующая понятия патриотизма и национальной миссии. Обратной стороной этого становится частичная утрата личностного начала президентства: инкубент вынужден делегировать полномочия, “делиться властью” с влиятельными сторонниками, обеспечивающими ему устойчивое положение в борьбе с оппозиционным меньшинством.

Наконец, “Гамильтонская” модель основана исключительно на личностном факторе. Дж.М.Бёрнс определяет ее как “героическое лидерство”. В сущности, речь идет о развитии харизматической модели, основанной на интенсивном использовании президентом своих властных полномочий,

которое, в частности, выражается в том, что вокруг лидера формируется “команда” лично преданных, полностью лояльных исполнителей. В политическом смысле такое президентство способствует развитию этатистских тенденций и распространению консервативных ценностей.

Таким образом, в американской исследовательской традиции накоплен опыт, позволяющий локализовать каждого нового президента в рамках любой из большого ряда типологий, предсказать возможные риски и достижения, сформулировать общественные ожидания и задать критерии оценки эффективности его работы.

Российские президентские исследования находятся в самом начале этого пути. Представляется, что на сегодняшнем этапе мы все еще склонны рассматривать каждое президентство как уникальное политическое явление, отягощенное судьбоносной миссией. Вместе с тем, каждое из трех российских президентств отличается от других весьма выпукло. Конфликтное, эмоционально насыщенное, развивавшееся в обстановке жесткой конкуренции и плюрализма президентство Б.Н.Ельцина сменилось президентством В.В.Путина, которое было основано на построении широкой коалиции групп влияния вокруг личности инкумбента. При этом В.В.Путин сохранил статус “национального лидера” и в период президентства Д.А.Медведева, когда на практике была выявлена ограниченность лидерских ресурсов президента, не противоречащая при этом Конституции.

Теоретические модели российского президентского лидерства могут быть сформированы по результатам глубокого исследования лидерских систем, которое предполагает выявление наиболее важных в сущностном отношении аспектов президентской деятельности Б.Н.Ельцина, В.В.Путина и Д.А.Медведева. Данное исследование представляет собой попытку дать рамочную характеристику этих моделей с помощью политико-психологического инструментария.

В политической психологии широко распространено представление о том, что феномен политического лидерства представляет собой процесс иерархического взаимодействия индивидуального актора с различными социальными группами (“последователями”). Структура этого процесса описана М.Херманн как сочетание пяти основных компонентов: 1) личности лидера; 2) характеристик последователей; 3) их взаимоотношений; 4) контекста; 5) возникающего в результате данных взаимодействий политического поведения [Hermann 1980]. Такой подход позволяет оценивать лидерский процесс как сложную систему, в которую вовлечены разнообразные виды и уровни политических акторов: индивиды, малые и большие группы.

Сложность и противоречивость этой системы не позволяет ограничить ее формальными рамками конституции, практика реализации президентами своих властных полномочий складывается непосредственно из сочетания двух основных групп факторов:

— диспозиционные факторы отражают особенности личности инкумбента, генетически связаны с опытом его работы до вступления в должность; можно сказать, что это аспекты “личности-как-таковой”, благодаря которым принципиально возможен “героический” дискурс в президентских исследованиях;

— ситуационные факторы характеризуют среду, в которой реализуются взаимодействия президента как лидера с последователями, к ним относятся события, формирующие контекст и повестку дня, а также развивающиеся в массовом сознании процессы, от которых зависит восприятие президентского лидерства.

Далее мы представим теоретическое видение моделей президентского лидерства. Сначала речь пойдет о моделях, основанных на выявлении диспозиционных факторов, затем — ситуационных.

Диспозиционные модели президентского лидерства основаны на формировании представления о существовании устойчивых типов личности организации президентской деятельности, в рамках которой индивидуальные способности, ориентации и установки соотносятся с параметрами роли инкумбента в политическом процессе.

Прежде всего, необходимо отметить, что личность в данном контексте рассматривается в специфическом ключе. В самом общем виде под личностью мы понимаем некоторую совокупность признаков, характеризующих индивида. А.Н.Леонтьев понимал личность как новое качество индивида, которое возникает по мере его включения в систему общественных отношений [Леонтьев 1983].

Таким образом, если сущностной характеристикой личности (в контексте общей и социальной психологии) является социальная значимость входящих в ее структуру качеств, то “политическая личность” — это совокупность политически значимых качеств индивида, что позволяет говорить о ней как об особой единице политико-психологического анализа.

Структурно эти качества организованы на двух уровнях. Первый — “внутренний” — это более устойчивые характеристики, отражающие аутентичные психологические свойства и состояния личности, актуальные для политики, существующие независимо от общественного сознания и становящиеся объектом отражения в нем. Второй уровень — “внешний” — содержит в большей степени мобильные, изменчивые характеристики личности, которые можно обнаружить лишь непосредственно в сфере общественно-го сознания [Зорин 2007].

В классической работе Дж.Д.Барбера, рассматривающей президентство с точки зрения личностных характеристик инкумбента, представлена оригинальная модель формирования президентского лидерства. Основные компоненты последнего автор определяет как “характер”, “мировоззрение” и “стиль” [Barber 1972]. Они соответствуют принятому в отечественной психологии представлению о структурных уровнях установок: аффективном, когнитивном и поведенческом [Узнадзе 1966; Дилигенский 1994].

Описанные выше компоненты политической личности развиваются неравномерно: характер, главным образом, формируется в детстве, мировоззрение — в подростковом, стиль — во взрослом возрасте.

Характер. Отношение к жизни формируется в ходе своего рода экспериментов, которые ребенок предпринимает в отношениях с родителями, братьями, сестрами, друзьями, учителями и т.д. Постепенно ребенок вырабатывает определенные установки в отношении самого себя. Важно отметить, что эти ориентации и установки, несомненно, способны изменяться со

временем и, конечно, неправильно объяснять все в поведении взрослого человека теми проблемами, с которыми он столкнулся в раннем детстве. Но, тем не менее, именно в детстве формируются те установки и ориентации, которые оказываются наиболее устойчивыми и невосприимчивыми к изменениям, которые, в конечном счете, остаются с человеком навсегда. Взрослый человек располагает гораздо более развитым арсеналом механизмов контроля над своими аффектами, чем ребенок. Именно в детские годы закладываются основы характера политического лидера. Другой вопрос, что далеко не все в поведении политика определяется и объясняется аффектами.

Мировоззрение. Подросток ищет способы придания смысла себе, своему существованию, фокус его внимания перемещается на будущее, к нему приходит чувство, что решается его судьба, и он пытается понять, кто или что формирует эти решения. Он начинает задумываться о том, как устроен мир, как он функционирует, каковы люди и каким нужно быть, чтобы стать, как они. Таким образом, подросток, еще до вступления во взрослую жизнь, ставит перед собой фундаментальные мировоззренческие вопросы и ищет ответы на них. Впоследствии когнитивные структуры могут усложняться, но основания их остаются неизменными.

Стиль. Взрослая жизнь предполагает принятие ответственных решений. Именно тогда, когда индивид начинает жить и действовать от своего имени, без опеки и контроля семьи, школы и т.д., он усваивает определенный стиль. Для такой специфической категории людей, как политики, принципиально важен первый независимый успех в этой сфере. Причем следует обращать внимание не столько на то, чего они добиваются, сколько на то, как они делают это. Каждый политик пытается зафиксировать в своей памяти некий образец, стереотип поведения, который впоследствии будет рассматриваться как своего рода рецепт успеха. Будучи опытным политиком, он может увидеть в ситуациях, с которыми будет сталкиваться, нечто, напоминающее ему о том, самом первом, самостоятельном достижении и будет склонен делать акцент именно на тех аспектах стиля, которые принесли ему успех когда-то в прошлом.

Таким образом, именно стиль можно рассматривать как сложившийся результат генезиса “политической личности”. И если предпосылки его формирования скрыты в глубинных психодинамических процессах, то сам стиль поведения является наиболее видимым компонентом, который определяется как привычные для политика виды и формы исполнения своих служебных обязанностей.

Их, в свою очередь, Барбер разделил на три группы: риторика, межличностное взаимодействие и домашняя работа. Ни один президент не может избежать исполнения хотя бы одной из этих функций, практически ежедневно ему приходится обращаться, напрямую или через СМИ, к большим аудиториям, общаться с другими политиками один на один или в группах, а также обрабатывать информацию, поступающую из различных источников [Barber 1972].

В работах классика политической науки Х.Д.Лассуэлла предложена типология политических лидеров, которая в целом соответствует представлению Барбера о вариациях стилей политиков [Лассуэлл 2005]:

— *Агитатор.* Для этого типа характерен, во-первых, явный акцент на риторике: пристрастие к произнесению речей или бурной эпистолярной и пуб-

лицистической деятельности. И, во-вторых, — присутствие особого ощущения своей “миссии”, призванности, мистического предназначения, а также своего исключительного права говорить о некоторых проблемах от имени определенных слоев общества.

— *Администратор*. Этот тип — исполнитель, которому свойственны, как правило, высокие амбиции, специфическое отношение к власти как к некому ресурсу, который можно использовать, тратить и наращивать. Кроме того, администраторы обладают высоко развитой способностью структурировать ситуации, в которых они оказываются, их отличают решительность, активность и некоторая агрессивность, а также — устойчивое чувство реальности.

— *Теоретик*. Этот тип наименее распространен среди политиков. Его главные характеристики — “интеллектуальность” (склонность обобщать и теоретизировать по поводу происходящих событий), определенная страсть к вынесению суждений, ограниченность и неопределенность действий. В политической реальности встречаются два основных подвида *теоретиков*: “идеологи” (те, кто определяют цели общественного развития, программы будущего) и “эксперты” (консультанты, советники, ограничивающие свое участие в политическом процессе осуществлением экспертизы по вопросам, на которые распространяется их сфера компетентности).

Нам представляется, что описанные выше категории позволяют адекватно сформулировать диспозиционные основания лидерских моделей президентов Б.Н.Ельцина, В.В.Путина и Д.А.Медведева.

Ельцин — президент-агитатор. Его лидерство предполагало активную дискуссию с различными категориями последователей, которая велась как от его имени, так и от лица его активных сторонников. Ельцин — это президент, который постоянно находился в состоянии острого конфликта, противостояния с влиятельными оппонентами. Риторический аспект особо явно выражен на раннем этапе его президентства, во второй половине 1990-х годов в силу состояния здоровья президента этот аспект проявляется существенно слабее. Агитаторский характер лидерства, главным образом, выражен в интенсивной реформаторской деятельности, которая может рассматриваться под углом зрения исполнения “миссии” президента. Ельцин отчетливо демонстрировал наличие специфического призвания: изменить положение страны в цивилизационном измерении, осуществить рывок в направлении демократии и общемировых ценностей. Он рассматривал конфликт как естественное состояние политической системы: противостояние, существование оппонентов необходимо лидеру, так как только при этом условии возникают необходимые предпосылки для проявления его лучших качеств. Быть сильнее, преуспевать, доминировать — это значимые личностные ориентиры лидера такого типа. Кроме того, агитатор нуждается во внимании и одобрении масс, он чувствителен к критике и способен адаптировать свои взгляды и политические курсы к требованиям момента.

Таким образом, президентское лидерство Б.Н.Ельцина в рамках “модели агитатора” характеризовалось, прежде всего, личностным измерением, т.е. высокой степенью зависимости осуществляемых мер от персональных интенций лидера, который брал на себя ответственность за происходящее со страной. Именно с этим связана его относительная невосприимчивость к кри-

тике со стороны оппозиции и “упрямое” следование публично декларируемым идеологическим принципам.

Президентское лидерство В.В.Путина можно определить скорее в терминах “модели администратора”. Главными ее характеристиками являются умение лидера манипулировать людьми и обстоятельствами (так наз. макиавеллизм), высоко развитое чувство реальности, способность идти на уступки, находить компромисс с заинтересованными сторонами, принимать решения и брать на себя ответственность за них. Важнейшим проявлением администраторского лидерства стало выстраивание в рамках его президентства широкой коалиции элит вокруг личности президента и провозглашенного им политического курса. Несомненно, ключевую роль в формировании лидерского консенсуса сыграли институциональные изменения, в частности активное использование механизмов партийного доминирования. Президент-администратор не демонстрирует зависимость от общественного мнения, в эмоциональном измерении он предельно холоден и отстранен. Личностное начало практически полностью удалено из публичного поля. В определенном смысле, это “безликое” президентство: метафора о “рабе на галерах” весьма точно описывает сущность такого лидерства. Эффективность и работоспособность заменяют личную привлекательность.

Путин как президент акцентирует межличностные взаимодействия как ключевой аспект своего стиля. Специализация на отношениях с людьми появилась еще как компонент профессиональной подготовки разведчика. Риторика, в свою очередь, не увлекает Путина. Можно вспомнить, что друзья – чьи воспоминания приводятся в книге “От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным” – в молодости считали его косноязычным, навыки произнесения речей появились относительно поздно как результат приспособления к требованиям президентской роли [От первого лица... 2000].

Президентство Д.А.Медведева, несмотря на очевидную незавершенность формирования модели, обладает чертами “теоретического” лидерства. Возможно, принятие именно такой лидерской модели стало результатом адаптации президента к институциональной трансформации. Перераспределение властных ресурсов в рамках системы “президент – председатель правительства – доминирующая партия” заставляет его искать неявные возможности президентства. Учитывая особенности модели предшественника, Медведев делает акцент на смысловом наполнении своей работы. “Президент-теоретик” стремится к концептуализации современной политической ситуации, он берет на себя роль не просто менеджера, а идеолога. Публикация в широком доступе программных статей, эксперименты по приспособлению президентской риторики к современному формату интернет-блога свидетельствуют о том, что Медведев как лидер сумел сформировать свою специфическую модель президентского лидерства. Это модель “поставщика смыслов”, можно предполагать ее потенциальное развитие в направлении укрепления морального авторитета президентства. “Президент-мечтатель”, движимый благородными идеями, призывающий бороться с самоуспокоенностью и инертностью, ставящий амбициозные цели – так в современных российских условиях выразилось лидерство теоретика.

Описанные выше модели российского президентского лидерства сформулированы в самом общем виде на основании диспозиционных характеристик – особенностей “политической личности” президентов. Ситуационные факторы лидерства привлекают внимание исследователей, как правило, в рамках социально-психологической традиции, связанной с изучением внутригрупповой и межгрупповой динамики [Бендас 2009; Платонов 2006; Brown, Lord 2004; Psychology of Leadership... 2005], а также в организационной психологии, где акцент делается на проблеме эффективности, т.е. способности лидера обеспечить достижение группой конкретных целей [Шеклтон 2003; Thomas 2005; Хмельник 2009].

Политико-психологические исследования ситуационных факторов президентского лидерства на современном этапе представлены работами, посвященными проблеме восприятия образов лидеров [Шестопап 1995; Шестопап 2000; Образы власти... 2004; Образы российской власти... 2008]. В них дается оценка внешней стороны “политической личности” – т.е. качеств, приписываемых политикам массовым сознанием.

Вместе с тем, в современной социальной психологии сложилась и другая традиция, трактующая политическое лидерство как системный феномен, возникающий в контексте взаимодействия лидера и последователей.

Речь идет о разработке С.Рейчером, Н.Хопкинсом, А.Хаслемом, М.Хоггом и другими, прежде всего, английскими психологами теории политического лидерства, созданной на основе теории социальной идентичности Х.Тэджфела и теории самокатегоризации Дж.Тёрнера [Hogg 2001; Hopkins, Reicher 1997; Turner, Haslam 2000].

Лидер здесь рассматривается как представитель группы. Это представительство имеет две взаимосвязанных стороны:

- лидер как статусная фигура, выступающая от лица всей группы и представляющая ее в межгрупповых процессах;
- лидер как фигура, воплощающая в себе присущие всей группе качества, благодаря чему группа поддерживает чувство целостности и способна к совместной деятельности.

Таким образом, сущность политического лидерства, в рамках этой концепции, состоит в инициировании групповых процессов, коллективных действий. Здесь раскрывается мощнейший социальный потенциал лидерства – стимулирование массовых движений, создание и разрешение межгрупповых конфликтов. В широком социальном контексте лидерство, понятое в таком ключе, несомненно, приобретает политический, а не узкогрупповой характер.

Итак, лидер влияет на последователей (или в интересующей нас сфере – президент влияет на общество) в силу того, что:

- способен формировать социальные категории, включающие в себя значительную часть группы, путем противопоставления своей общности субъектам, категоризованным как “чужие” (*outgroup*);
- предоставляет содержательное наполнение этих категорий, т.е. обеспечивает их связь с потребностями и установками членов группы, тем самым, создавая мотивационный базис для участия в коллективных действиях;

— оказывается способным взять на себя функции “прототипа”, т.е. быть воспринятым как лицо, в наибольшей степени соответствующее положенной в основу существования группы категории.

Чувство “мы” объединяет общество и лидера благодаря тому, что последний рассматривается как связующее звено, поддерживающее коллективную идентичность. Более того, в рамках этого подхода лидерство можно представить как своего рода “торговлю идентичностями”. Лидеры обязаны структурировать когнитивное пространство массового сознания путем создания, стимулирования и поддержания социальных категорий, способных вместить в себя как можно большее количество последователей, рядовых членов общества.

Влияние президента на массовое сознание — это не просто утилитарный вопрос, связанный с сохранением доступа к ключевой управленческой позиции. Президентское лидерство меняет общество, формирует категориальную структуру, трансформирует контекст “мы — они”.

Мы полагаем, что каждый из трех российских президентов может быть рассмотрен как прототипическая фигура в рамках той или иной категориальной схемы. Лидер предлагает обществу возможности для консолидации вокруг некой политической программы, а общество, в свою очередь, оценивает его соответствие вводимой категории. Успешный политический лидер, таким образом, — это тот, кто сумел стимулировать широкое распространение социальной категории, способной включить в себя значительную часть общества, и доказал свое право быть ее прототипом.

Ситуационный характер данной теории проявляется в том, что лидер не может быть рассмотрен в рамках “героического” подхода. Устойчивое доминирование в политическом поле обусловлено способностью находить поддержку и быть понятым большинством. Негативный вариант лидерской динамики для президента предполагает распространение в массовом сознании “чужих” социальных категорий, в рамки которых включается сам президент.

Президентское лидерство Ельцина развивалось в обстановке жесткой конкуренции категорий. Демократия и реформы — ключевые содержательные характеристики, существовавшие как фактор противопоставления его политического курса всему “советскому”. Лидерство Ельцина, таким образом, стимулировало в массовом сознании антисоветскую тематику, которая, во-первых, встречала активное сопротивление значительной части общества, сохранившей лояльность к этой категории, и, во-вторых, не стала основой выработки адекватной по широте альтернативы. Претензии Ельцина стать “прототипом” *демократа* и *реформатора* постепенно снижались в ходе его президентства. Одним из факторов этого, вероятно, стал сознательный отказ от активной демократической риторики, вызванный в том числе и разочарованием в ее способности к массовой мобилизации общества в поддержку политического курса реформ. Другим важным фактором кризиса демократической идентичности стало внешнее влияние. Риторика лидеров западных стран носила явно критический характер и содержала в себе негативные оценки состояния демократии в России, основанные, главным образом, на неприятии политического курса Ельцина в Северокавказском регионе.

В итоге, задачей следующего Президента (как “продавца идентичности”) стал поиск новых возможностей для консолидации общества. Как и в

случае борьбы с советским наследием, которую вел Ельцин, второй президент России строил свою лидерскую риторику на противопоставлении “своих” и “чужих”. Очевидно, что он в большей степени преуспел в мобилизации общества. Возможно, что причина этого в том, что Путин как лидер не сделал с самого начала акцент на позитивной стороне идентичности, т.е. не стал активно навязывать обществу новые категории (такие, как ельцинские “демократия” и “реформы”), потенциально способные вызвать отторжение. Позитивное содержательное наполнение его лидерства произошло на более позднем этапе путем активации категорий “государственности” и “стабильности”, противопоставленных хаосу “лихих девяностых”. Демократическая категоризация была изъята из повестки дня как во внешнеполитическом контексте (путем активации “чужой” категории “международного терроризма”, поставившей Россию и США после событий 11.09.2001 по одну сторону категориальных границ), так и во внутренних делах.

Четкое восприятие обществом контраста между личными характеристиками В.В.Путина и его предшественника определило “прототип” нового президента. Путин как “анти-Ельцин” был убедителен и последователен, что, несомненно, способствовало консолидации общества вокруг его фигуры. В середине 2000-х годов образ президента в массовом сознании, в сущности, утрачивает личностные черты и начинает играть роль идеала или эталона для сравнения. Прочие политические лидеры оцениваются в контексте заведомо проигрышного для них сравнения с “национальным лидером”, на фоне которого их собственные достоинства или недостатки становятся менее существенными.

Эта ситуация создает ряд системных проблем для президентского лидерства Д.А.Медведева. В результате оно строится путем последовательного отказа от негативной категоризации. Медведев начинает выстраивать свое лидерство с концептуализации позитивной содержательной программы. Модернизационная риторика, несомненно, предполагает критику всего отсталого, коррумпированного, забюрократизированного. Более того, есть основания предполагать, что такой выбор категорий потенциально удачен, так как личность президента по объективным (диспозиционным) основаниям соответствует ему: владение современными информационными технологиями, высокий уровень образования и профессиональная компетентность. Мобилизационный потенциал лидерства Медведева ограничен трудностями с категоризацией “чужих”. Другими словами, третий президент России противопоставляет себя тем же условным врагам (*outgroups*), что и его предшественник. Это обстоятельство существенно уменьшает его лидерский потенциал, способствуя формированию модели “зависимого” президентства.

Таким образом, модели российского президентского лидерства, описанные с опорой на ситуационные факторы, выглядят в самом общем виде так:

- лидерство Б.Н.Ельцина, сформированное в рамках четких категориальных границ, но неадекватное параметрам прототипа;
- лидерство В.В.Путина, основанное на высоком уровне соответствия прототипа президента категориям, сформулированным негативным путем;
- лидерство Д.А.Медведева, с высоким уровнем соответствия прототипа президента актуализированным позитивным категориям (*ingroup*), характеризующимся размытостью категориальных границ.

Иными словами, лидерство российских президентов реализуется в рамках трех моделей, связанных с действием различных политико-психологических факторов (диспозиционных и ситуационных). Разнообразие моделей, рассмотренных здесь, не является конечной величиной. В широком историческом контексте российское президентство до сих пор переживает стадию формирования. Однако, есть основания полагать, что дальнейшая институционализация лидерских моделей будет проходить с учетом опыта первых трех президентств, полученных эмпирическим путем представлений о потенциале института, его скрытых и явных возможностях.

Бендас Т.В. Психология лидерства. СПб.: Питер, 2009.

Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.

Зорин В.А. Политическая психология постсоветского президентства. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2006.

Зорин В.А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности. / Политическая психология. Хрестоматия (под ред. Е.Б.Шестопаля). М.: Аспект Пресс, 2007.

Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. М.: РАГС, 2005.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Прогресс, 1983.

Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ. Ред. Е.Б. Шестопаля. М.: Алетей, 2004.

Образы российской власти от Ельцина до Путина. Ред. Е.Б.Шестопаля. М.: РОССПЭН, 2008.

От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.

Платонов Ю.П. Путь к лидерству. СПб.: Речь, 2006.

88

Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. // Психологические исследования. М.: Наука, 1966.

Хмельник Д.В. Руководство и лидерство на различных этапах жизненного цикла организации (Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук). М.: МГУ, 2009.

Шеклтон В. Психология лидерства в бизнесе. СПб.: Питер, 2003.

Шестопаля Е.Б. Восприятие образов: политико-психологический анализ. // Полис, № 5, 1995.

Шестопаля Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000.

Barber J.D. Presidential Character: Predicting Performance in the White House. Englewood: Prentice Hall, 1972.

Barger H.M. The Impossible Presidency: Illusions and Realities of Executive Power. Glenview: Scott, Foresman and Co, 1984.

Brown D.J., Lord R.G. Leadership Processes and Follower Self-identity. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.

Buchanan B. Presidential Experience: What the Office Does the Man. Englewood: Prentice Hall, 1978.

Burns J.M. Leadership. N.Y.: Harper&Row, 1978.

Edwards G.C., Wayne S.J. Presidential Leadership: Politics and Policy Making. N.Y.: St. Martin's Press, 2003.

Finer H. The Presidency Crisis and Regeneration. Chicago: University of Chicago, 1974.

George A.L., George J.L. Presidential Personality and Performance. Boulder: Westview Press, 1998.

Greenstein F.I. Leadership in the Modern Presidency. Harvard: Harvard University Press, 1988.

Hargrove E.C. President as Leader: Appealing to the Better Angels of Our Nature. Lawrence: University of Kansas Press, 1998.

Hermann M. Explaining Foreign Policy Behavior Using the Personal Characteristics of Political Leaders. // *International Studies Quarterly*, v. 24, 1980.

Hogg M. A Social Identity Theory of Leadership. // *Personality and Social Psychology Review*, v. 5, 2001.

Hopkins N., Reicher S. The Construction of Social Categories and Processes of Social Change. / *Changing European identities*. G. Breakwell, E. Lyons (eds.). L.: Butterworth, 1997.

Maranell G.M. The Evaluation of Presidents: An Extension of the Schlesinger poll. // *Journal of American History*, vol. 57, 1970.

Neustadt R.E. Presidential power. The Politics of Leadership with Reflections on Johnson and Nixon. N.Y.: Wiley, 1976.

Page B.I., Petracca M.P. The American Presidency. N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1983.

Pious R.M. The American Presidency. N.Y.: Basic Books, 1979.

Psychology of Leadership: New Perspectives and Research. R.M. Kramer, D.M. Messick, (eds). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.

Reedy G. The Twilight of Presidency from Johnson to Reagan. N.Y.: Mentor, 1987.

Renshon S.A. High hopes: The Clinton Presidency and the Politics of Ambition. N.Y.: Routledge, 1998.

Schlesinger A.M. The Imperial Presidency. Boston: Houghton Mifflin, 1973.

Thomas M.A. Gurus of Leadership. L.: Thorogood, 2005.

Turner J., Haslam A.. Social Identity Organizations and Leadership. / *Groups at work: Advances in theory and research*. M.E. Turner (ed.) Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2000.